

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ГАСЫМОВ V. АЗЕРБАЙДЖАН

(Заявление № 8937/09)

Р Е Ш Е Н И Е

СТРАСБУРГ

10 ноября 2016 г.

*Данное решение является окончательным, но может подлежать
редакционному пересмотру*

В деле Гасымов v. Азербайджан,

Европейский суд по правам человека (Пятая Секция), заседая в качестве Комитета в составе:

Фариса Вехабовича, *Председатель,*

Ханлара Гаджиева,

Карло Ранзони, *судьи*

и Анна-Мари Дугин, исполняющей обязанности заместителя регистратора секции, заседая за закрытыми дверями 11 октября 2016 г., вынес следующее решение, которое было принято в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело инициировано жалобой (№ 8937/09) против Азербайджанской Республики, поданной в Суд 29 января 2009 г. в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Азербайджана г-ном Эльдаром Кочари оглы Гасымовым (*Eldar Kõçəri oğlu Qasimov* – «заявитель»).

2. Заявитель был представлен г-ном Д. Сулеймановым, адвокатом осуществляющим деятельность в Азербайджане в индивидуальном порядке. Азербайджанское Правительство («Правительство») было представлено его Агентом г-ном Ч. Аскеровым.

3. Заявитель утверждал, что национальные власти не провели эффективного расследования по факту смерти его дочери.

4. 18 сентября 2014 г. заявление было направлено Правительству

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1949 г. и проживает в г. Баку.

6. Дочь заявителя (S.J.) родилась в 1979 г. и была замужем за офицером Министерства национальной безопасности («МНБ».)

A. Смерть дочери заявителя

7. В неустановленный день в 2006 году S.J. подала гражданский иск против своего мужа на развод. В ноябре 2006 г. бракоразводный процесс находился на рассмотрении Бинагадинского районного суда.

8. 15 ноября 2006 г. S.J. упала с балкона квартиры, находящегося на седьмом этаже многоквартирного дома.

9. В 13 час. 15 ноября 2006 г. S.J. была доставлена в Клинический медицинский центр, где был помещена в отделение интенсивной терапии. По прибытию в больницу ей

был поставлен диагноз черепно-мозговая травма, тупая травма желудка, переломы различных костей и травматический шок.

10. 20 ноября 2006 г. S.J. была переведена в Больницу нефтяников, где она в тот же день скончалась.

В. Уголовное расследование по факту смерти дочери заявителя

11. 16 ноября 2006 г. прокуратурой Бинагадинского района было возбуждено уголовное дело по статье 125 Уголовного кодекса (доведение до самоубийства).

12. 20 ноября 2006 г. следователь ведущий дело постановил провести посмертную судебно-медицинскую экспертизу S.J., которая был произведена в тот же день. Заключение судебно-медицинской экспертизы № 143 датированная 14 декабря 2006 г. показала, что смерть S.J. произошла вследствие травматического шока от разрыва мочевого пузыря и многочисленных переломов костей. Эксперт также установил, что на теле S.J. имелись различные травмы, которые могли быть получены из-за её падения с балкона или же при других обстоятельствах.

13. Из материалов дела усматривается, что в ноябре 2006 г., а также в январе, марте и апреле 2007 г. в рамках уголовного производства по делу органами уголовного преследования были допрошены в качестве свидетелей различные люди, в том числе заявитель, муж S.J., коллеги и родственники.

14. В то же время 6 февраля 2007 г. уголовное дело было передано в прокуратуру г. Баку.

15. 24 и 26 февраля 2007 г. следователь прокуратуры г. Баку постановил о проведении комиссионной судебно-медицинской экспертизы смерти S.J.

16. В апреле 2007 г. на основании двадцати двух образцов взятых с органов S.J., в том числе желудка, легких, печени и кишечника, была произведена гистологическая судебно-медицинская экспертиза. В судебно-гистологическом заключении № 318 от 26 апреля 2007 г. эксперт делает выводы о том, что в печени и пищеварительных органах S.J. были токсические изменения.

17. В июне 2007 г. комиссия, сформированная на основе решения следователя от 24 и 26 февраля 2007 г. и состоящая из трех экспертов, составила судебно-медицинское заключение № K81/2007. Эксперты, проводившие экспертизу на основе медицинских заключений S.J. от 15 и 20 ноября 2006 г. и результатов посмертной и гистологической судебно-медицинской экспертиз, заключили, что причиной смерти было «общее отравление» (*ümumi intoksikasiya*), явившееся результатом эндогенных токсических веществ, развитых в теле из-за многочисленных травм и токсических веществ, проникших в пищеварительные органы. Эксперты подтвердили существование различных травм на теле S.J., установив причинно-следственную связь между травмами, полученными ею, и ее смертью.

18. 24 августа 2007 г. следователь постановил произвести новую комиссионную судебно-медицинскую экспертизу смерти S.J. В частности, он поставил перед экспертами вопросы определения причины смерти, установления типов травм на теле S.J. и в какой последовательности они были получены. Далее он поставил перед ними вопрос об определении травм, которые были получены от падения и тех из них, которые были причинены тупым предметом.

19. Комиссия, состоящая из четырех экспертов, составила судебно-медицинское заключение № К69/2007, которая подтвердила результаты судебно-медицинской экспертизы № К81/2007 о причине смерти. В этой связи, эксперты пришли к выводу, что смерть произошла в результате отравления. Однако, они указали, что они не состоянии определить происхождение отравления, поскольку в ходе судебно-медицинской экспертизы, произведенной немедленно после смерти, не были взяты образец крови и образец из пищеварительной системы. Далее эксперты заключили, что некоторые из травм, обнаруженных на теле S.J., не могли происходить в результате падения, а нанесены тупым предметом до указанного момента времени.

20. В то же время, в апреле и ноябре 2007 г. по требованию следователя были произведены две судебно-трасологические экспертизы. Судебно-медицинские заключения, датированные 10 апреля и 29 ноября 2007 г., обратили внимание на то место, где тело контактировало с землей, и заключили, что она могла прыгнуть с балкона. Кроме того, судебно-медицинское заключение, датированное 10 мая 2007 г., заключила, что S.J. до гибели чувствовала себя подавленной и в это время наблюдались признаки депрессии и невротические проблемы.

21. 5 февраля 2008 г. была проведена очная ставка между заявителем и отцом мужа S.J.

22. 5 февраля 2008 г. следователь постановил о проведении комиссионной судебно-медицинской экспертизы смерти S.J. Комиссия, состоящая из пяти экспертов, составила судебно-медицинское заключение № К69/2008, которое повторило выводы предыдущих заключений о том, что невозможно идентифицировать происхождение отравления. Эксперты также подтвердили выводы предыдущих заключений касательно существования на теле S.J. различных травм, полученных тупым предметом, а не в результате падения.

23. 30 марта 2008 г. уголовное дело было передано Управлению по тяжким преступлениям Генеральной прокуратуры.

24. 28 июля и 16 октября 2008 г. адвокат заявителя написал жалобы в Генеральную прокуратуру по поводу неэффективности расследования. Адвокат обращал внимание, что ему угрожают по телефону потому, что муж S.J., офицер МНБ, был вовлечен в уголовное дело. Он также просил следственные органы установить лиц, которые делали звонки с угрозами.

25. Решением от 2 сентября 2008 г. следователь признал заявителя в качестве потерпевшего (*zərər çəkmiş şəxs*).

26. 24 сентября 2008 г. заявитель подал заявление следователю, расследующему дело, о переквалификации его по статье 120 Уголовного кодекса (убийство). В частности, основываясь на выводах судебных заключений о том, что некоторые травмы на теле S.J. были получены до её падения с балкона, заявитель утверждал, что S.J. сначала была избита, а затем с силой сброшена с балкона. Он также указывал, что она была отравлена в больнице, что стало причиной ее смерти.

27. 6 октября 2008 г. заявитель вновь написал следователю, повторив свое заявление от 24 сентября 2008 г.

28. Решением от 6 октября 2008 г. следователь отказал в удовлетворении просьбы заявителя, указав, что на этой стадии расследования нет доказательств того, что S.J. была убита.

29. 27 октября 2008 г. заявитель обжаловал данное решение перед заместителем Генерального прокурора, повторив свои предыдущие жалобы.

30. Письмом от 22 ноября 2008 г. заместитель Генерального прокурора отклонил данное заявление.

31. Письмом от 22 ноября 2008 г. Генеральный прокурор сообщил заявителю о том, что были предприняты многочисленные шаги и следствие ожидает определение происхождения и природы отравления.

32. 12 декабря 2008 г. заявитель подал жалобу заместителю Генерального прокурора, заметив, что вопреки требованиям уголовного законодательства он не получил какого-либо обоснованного решения касательного его заявления от 27 октября 2008 г., однако получил только письмо датированное 10 ноября 2008 г., которым ему сообщалось, что его заявление отклонено.

33. 30 декабря 2008 г. заявитель подал жалобу Генеральному прокурору. В частности, он утверждал, что расследование не было эффективным, что решение заместителя Генерального прокурора против переквалификации уголовного дела по статье 120 Уголовного кодекса не обеспечено достаточным обоснованием, и что следствие не исследовало образцы крови S.J.

34. 27 октября 2009 г. заявитель выдвинул гражданский иск против Генеральной прокуратуры, попросив суд обязать следственные органы осуществлять эффективное расследование факта смерти его дочери.

35. 29 октября 2009 г. Сабаильский районный суд отказался признать данный иск, придя к выводу, что жалоба на действия и ошибки следственных органов не могут разбираться в гражданском процессе.

36. 5 ноября 2009 г. следователь постановил о проведение новой комиссионной судебно-медицинской экспертизы по факту смерти S.J. Комиссия, состоящая из десяти экспертов, составила судебно-медицинское заключение № 239/ КЕŞ, датированное 25 ноября 2009 г., которое повторило выводы предыдущих судебно-медицинских экспертиз о невозможности установить происхождение отравления и существование различных травм

на теле S.J., которые были получены до ее падения с балкона. Далее эксперты установили, что было возможным дать S.J. токсичные вещества во время ее нахождения в клинике.

37. В то же время, из материалов дела усматривается, что в сентябре и декабре 2008 г., в январе, апреле, октябре и ноябре 2009 г. следственными органами в качестве свидетелей были допрошены различные лица, том числе эксперты, участвующие в судебно-медицинских экспертизах, муж S.J. и его родственники.

38. 19 ноября 2009 г. новая судебно-трасологическая экспертиза, проведенная по требованию следователя, подтвердила, что в результате прыжка с балкона S.J. могла упасть с балкона на место, где ее тело было обнаружено.

39. 25 января 2010 г. заявитель вновь запросил, чтобы следственные органы переквалифицировали дело как убийство по статье 120 Уголовного кодекса, приняв во внимание тот факт, что смерть произошла от неустановленного яда и что различные травмы на теле S.J. получены до ее падения с балкона.

40. Письмом от 2 марта 2010 г. заместитель Генерального прокурора отклонил данное заявление.

41. 8 декабря 2010 г. заявитель повторил свою просьбу о переквалификации дела как убийство по статье 120 Уголовного кодекса.

42. Решением от 17 декабря 2010 г. следователь отказался удовлетворить ходатайство заявителя, посчитав, что на этой стадии разбирательства не имеется доказательств убийства S.J.

43. В декабре 2010 г. следственными органами были допрошены в качестве свидетелей эксперты, участвовавшие в судебно-медицинских экспертизах, касающихся смерти S.J.

44. 6 января 2011 г. следователь постановил о проведении экспертизы куртки, которая 15 ноября 2006 г. была на S.J. с целью установления наличия на ней каких-либо пятен крови. 11 января 2011 г. судебный эксперт составил судебно-медицинское заключение № 07/2011-МТВС, заключив, что на куртке отсутствовали следы крови.

45. Из материалов дела усматривается, что в ответ на многочисленные письма заявителя в следственные органы, 14 февраля 2011 г. им получено письмо Генеральной прокуратуры о ходе расследования. Следственными органами ему сообщалось, что расследование будет проводиться эффективно, и он будет проинформирован о его результатах.

46. 16 марта 2011 заявитель подал жалобу в суд в уголовном порядке на неэффективность расследования.

47. 17 марта Сабаильский районный суд отказался признать жалобу, указав, что адвокат защитника не приложил к заявлению свою доверенность.

48. В неустановленный день заявитель подал гражданский иск в Бакинский Административный суд № 1, повторив свои предыдущие жалобы.

49. 26 июля 2011 г. суд отказался признать данный иск, указав, что он не может быть рассмотрен в административном процессе и переслал его в Сабаильский районный суд.

50. В сентябре и октябре 2011 г. следственными органами вновь были допрошены в качестве свидетелей эксперты, участвовавшие в судебно-медицинских экспертизах, касающихся смерти S.J.

51. Решением от 13 сентября 2011 г. Сабаильский районный суд принял решение о переводе дела в апелляционный суд для того, чтобы определить какой суд обладает юрисдикцией.

52. 12 октября 2011 г. Бакинский Апелляционный суд постановил, что иск заявителя не может быть рассмотрен в гражданском процессе.

53. 30 декабря 2011 г. Верховный суд оставил в силе решение Бакинского Апелляционного суда от 12 октября 2011 г.

54. Между тем, 28 декабря 2011 г. следователь решил прекратить производство по уголовному делу в связи с невозможностью установления лица, совершившего преступление, несмотря на то, что все соответствующие следственные мероприятия были осуществлены.

55. 16 февраля 2012 г. заявитель подал жалобу в Насиминский районный суд на решение следователя, с просьбой его отмены.

56. Решением от 6 марта 2012 г. Насиминский районный суд удовлетворил жалобу заявителя и отменил решение следователя. Суд установил, что следователь не выполнил указания надзирающего прокурора, и незаконно прекратил производство по уголовному делу. Суд также сослался на прецедентное право Суда, указывающего, что национальные органы должны проводить эффективное расследование в соответствии с их обязательствами по соблюдению положений Конвенции. Из решения Насиминского районного суда от 6 марта 2012 г. усматривается, что в разбирательствах в суде следователь заявил, что для определения типа отравления 27 января 2009 г. в Министерство юстиции было направлено ходатайство о проведении химической экспертизы в Соединенном Королевстве, однако ответ не был получен. Далее, следователь заявил, что расследование дела очень затруднялось, поскольку прошло долгое время с момента совершения преступления и некоторые элементы доказательств, относящиеся к делу, были потеряны во время их передачи из прокуратуры Бинагадинского района в Генеральную прокуратуру.

57. 30 ноября 2012 г. следователь, основываясь на тех же причинах, вновь принял решение о прекращении производства по уголовному делу. Формулировка решения следователя была идентична решению от 28 декабря 2011 г.

58. 5 февраля 2013 г. заявитель обжаловал данное решение. Он жаловался, *inter alia*, что он не был должным образом уведомлен о решении следователя прекратить производство по уголовному делу, и что продолжавшееся более шести лет, следствие не было эффективным. А также, несмотря на то, что S.J. была избита, а после сброшена с балкона, уголовное дело не расследовалось по статье 120 Уголовного кодекса как убийство, и то, что следствие не установило происхождение отравления.

59. 27 февраля 2013 г. Насиминский районный суд удовлетворил жалобу заявителя и отменил решение следователя от 30 ноября 2012 г. В этой связи, суд постановил, что следователь не должен был прекращать производства по уголовному делу, основываясь исключительно на тот факт, что было невозможно установить лицо, совершившее преступление, и обязан был предпринять все соответствующие шаги для установления данного лица. Суд также установил, что расследование не было активным в течение длительного периода времени и то, что заявителю решение следователя от 30 ноября 2012 г. было предоставлено только 26 января 2013 г.

60. 30 ноября 2013 г. следователь вновь принял решение о прекращении уголовного расследования, основываясь на тех же причинах. Решение следователя было идентично формулировкам предыдущих решений.

61. 7 февраля 2014 г. заявитель обжаловал данное решение, повторив свои предыдущие жалобы.

62. 21 февраля 2014 г. Насиминский районный суд отменил решение следователя от 30 ноября 2013 г. Суд установил, что следователь не предпринял каких-либо мер для установления лица, совершившего преступление, со времени его решения от 27 февраля 2013 г.

63. Во время самой последней коммуникации со сторонами, которая была 31 марта 2015 г., когда по делу было представлено последнее замечание Правительства, уголовное судопроизводство продолжалось.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

A. Уголовный кодекс

64. Статья 125 (доведение до самоубийства) предусматривает, что доведение лица, находящегося в материальной, служебной или иной зависимости от виновного, до самоубийства или покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения его достоинства является преступлением наказуемым лишением свободы сроком от трех до семи лет.

65. Параграф 1 статья 120 (убийство) Уголовного кодекса предусматривает, что убийство является преступлением наказуемым лишением свободы сроком от девяти до четырнадцати лет.

В. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК)

66. В силу параграфа 6 статьи 87 УПК, лицо, признанное потерпевшим, имеет различные процессуальные права и имеет право представлять материалы для приобщения к уголовному делу, заявлять возражения против действий следственных органов, быть информированным и получать копии любых процессуальных решений следственных органов, затрагивающих его права и интересы (в том числе решение по прекращению производства по уголовному делу) и подавать апелляционные жалобы на процессуальные действия и решения.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

67. Опираясь на статьи 2, 6, 13 и 14 Конвенции, заявитель жаловался, что национальные органы не провели эффективного расследования факта смерти его дочери. Суд считает, что настоящая жалоба подлежит рассмотрению исключительно в соответствии со статьей 2 Конвенции, соответствующая часть которой гласит: «1. Право каждого на жизнь охраняется законом. Никто не может быть лишен жизни...»

А. Приемлемость

68. Правительство утверждало, что заявитель не может считаться жертвой в понимании Конвенции, поскольку национальные суды уже отменили решения следователей касающихся прекращения производства по уголовному делу, установив, что они не имели достаточного обоснования. В этой связи, Правительство обратило также внимание Суда на тот факт, что национальные суды в своих постановлениях в отношении решений следователя ссылались на прецедентное право Суда.

69. Заявитель опротестовал возражение Правительства, поддерживая свою жалобу.

70. Суд вновь подтверждает, что решение или мера в пользу заявителя, в принципе не является достаточным, чтобы лишить его статуса «жертвы», пока национальные органы не признают, прямо или по существу, а затем предоставят возмещение за нарушение Конвенции (см. дело Амуур v Франция, 25 июня 1996 г, § 36, Отчеты о постановлениях и решениях 1996-III, и Далбан v. Румыния [GC]№ 28114/95, § 44, ЕСПЧ 1999- IV).

71. Таким образом, Суд отмечает, что сам факт того, что национальные суды отменили решения следователя о прекращении производства по делу и объявили их незаконными, в соответствии с Конвенцией не может лишать заявителя его статуса «жертвы», поскольку не было четкого признания нарушения статьи 2 Конвенции, и не было предоставлено возмещение ущерба за такое нарушение. Изложенные соображения являются достаточными для того, чтобы Суд пришел к выводу, что заявитель все еще остается жертвой в понимании статьи 34 Конвенции в отношении его жалобы на основании статьи 2.

72. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в понимании параграфа 3 (а) статьи 35 Конвенции. Он отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

73. Заявитель утверждал, что уголовное расследование было неэффективным.

74. Правительство не привело каких-либо доводов по существу дела.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

75. Обязательство на основании статьи 2 Конвенции защищать право на жизнь, в совокупности с общей обязанностью Государства на основании статьи 1 «обеспечивать каждому, находящемуся в пределах (его) юрисдикции, права и свободы, определенные в (настоящей) Конвенции», косвенно требует того, что в случае убийства лиц в результате применения силы государственными служащими либо частными лицами должно быть проведено эффективное официальное расследование (см. дело Танрыкулу v. Турция [GC], № 23763/94, § 103, ЕСПЧ 1999-IV; Менсон v. Соединенное Королевство (реш.), № 47916/99, ЕСПЧ 2003-V; и Бранко Томашич и другие v. Хорватии, № 46598/06, § 62, 15 января 2009). Важной целью каждого расследования должно быть обеспечение эффективного применения национального законодательства, которое защищает право на жизнь (см. *mutatis mutandis* (с учетом соответствующих изменений), Пауль и Аудрей Эдвардс v. Объединенного Королевства, № 46477/99, § 69, ЕСПЧ 2002-II). Такие же стандарты применяются к расследованиям дел, где лицо умирает при подозрительных обстоятельствах, в котором позитивное обязательство Государства на основании статьи 2 находится под угрозой (см. Микаэл Мамедов v. Азербайджан, № 4762/05, § 102, 17 декабря 2009, и Лари v. Республика Молдова, № 3784/13, § 34, 15 сентября 2015).

76. Расследование должно быть эффективным в том смысле, что оно способно привести к установлению и наказанию ответственных лиц (см. Огур v Турция [GC], № 21594/93, § 88, ЕСПЧ 1999-III). Это не обязательство результата, а средств. Власти должны предпринять необходимые шаги, имеющиеся у них для обеспечения доказательств касательно происшествия. Любые недостатки в расследовании, которые подрывают его способность установить причину смерти или определить ответственное лицо или лиц, может привести к нарушению данного стандарта. Какой бы характер не применялся, власти должны действовать по своей инициативе, раз данный вопрос стал объектом их внимания (см. *mutatis mutandis* (с учетом соответствующих изменений), дело Илхан v. Турция [GC], № 22277/93, ЕСПЧ 2000-VII, § 63). Кроме того, существенный элемент общественного контроля за расследованием или его результатами для обеспечения практической подотчетности. Во всех случаях, ближайший родственник жертвы должен быть вовлечен в процесс в той степени, в какой необходима защита его законных интересов (см. Цинцабадзе v. Грузия, № 35403/06, § 76, 15 февраля 2011).

77. В этом контексте подразумевается требование оперативности и разумной быстроты (см. Яша v. Турция, 2 сентября 1998, §§ 102-104, Доклады 1998-VI, и Адалы v Турция, № 38187/97, § 224, 31 марта 2005). Необходимо согласиться, что в особых случаях могут быть препятствия или трудности, которые мешают прогрессу расследования. Однако, незамедлительный ответ властей в расследовании подозрительных смертей в целом можно рассматривать как существенный факт для поддержания общественного доверия в их приверженности к верховенству закона и недопущению любых проявлений сговора или терпимости к незаконным действиям (см. Микаэл Мамедов, изложено выше, § 105).

(b) Применение к настоящему делу

78. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что заявитель жаловался на неадекватное расследование факта смерти его дочери, осуществляемой национальными властями.

79. Суд обращает внимание, что хотя 16 ноября 2006 г. сразу через день после падения S.J. с балкона, было возбуждено уголовное дело по статье 125 (доведение до самоубийства) Уголовного кодекса и произведены многочисленные следственные действия, такие как допрос свидетелей и проведение различных судебно-медицинских экспертиз, уголовное производство по делу все еще не завершено ко времени последней коммуникации со сторонами и лицо, совершившее преступление не установлено.

80. В этой связи, Суд отмечает ряд недостатков в уголовном расследовании, осуществляемой национальными органами.

81. Во-первых, Суд обращает внимание, что следственные органы не обеспечили все доказательства касающиеся смерти дочери заявителя. В частности, они не предприняли соответствующих шагов по установлению происхождения яда, который стал причиной ее смерти. Суд отмечает, что не были взяты образцы крови S.J. в ходе посмертной судебно медицинской экспертизы проведенной сразу же после ее смерти 20 ноября 2006 г. Как отметил судебный эксперт, неспособность обеспечить доказательствами впоследствии помешала им установить происхождение яда, который стал причиной ее смерти (см. выше параграф 19). По данному упущению Правительство не представило никаких объяснений. Далее, Суд обращает внимание, что хотя 27 января 2009 г. следственные органы для определения типа яда и обратились с просьбой в Министерство юстиции о проведении химической судебной экспертизы в Соединенном Королевстве, никакой экспертизы проведено не было (см. выше параграф 56).

82. Во-вторых, Суд обращает внимание, что национальные органы своевременно не исследовали доказательства касающиеся происшествя. В частности, только 6 января 2011 г, более чем через четыре года после начала уголовного производства по делу (см. выше параграф 44) следователь постановил провести экспертизу куртки, которая была на S.J. 15 ноября 2006 г. для установления каких-либо пятен крови на ней. По данной задержке Правительство не представило каких-либо объяснений.

83. В-третьих, Суд считает, что расследование не было проведено своевременно, так как следственные органы долгий период времени оставались неактивными. В частности, из материалов дела усматривается, что хотя уголовное производство по делу продолжалось, никаких следственных действий между декабрем 2009 г. и декабрем 2010 г. не проводилось. Более того, общая продолжительность уголовного расследования, которое продолжалось, по меньшей мере, восемь лет и четыре месяца, такова, что любое значимое расследование не может больше продолжаться (см. Алиева и Алиев v Азербайджан, № 3558/08, § 78, 31 июля 2014).

84. Наконец, Суд отмечает, что как подтверждено Насиминским районным судом, следственные органы не проинформировали заявителя о прогрессе расследования и не обеспечили его своевременно с соответствующими решениями, принятыми в рамках уголовного производства по делу (см. выше параграф 59).

85. Изложенные соображения являются достаточными для того, чтобы Суд пришел к заключению, что национальные органы не провели адекватного и эффективного расследования обстоятельств, окружающих смерть дочери заявителя. Соответственно он считает, что имело место нарушение статьи 2 в ее процедурной части.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

86. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд приходит к выводу, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.»

87. Заявитель не представил требование по справедливой компенсации. Следовательно, Суд считает, что не было необходимости присуждения ему какой-либо суммы на этот счет.

ПО ДАННЫМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Считает*, что имело нарушение статьи 2 Конвенции в её процедурной части.

Выполнено на английском языке и в соответствии с §§ 2 и 3 статьи 77 Регламента Суда в письменной форме доведено до сведения.

Анне-Мари Дугин
исполняющая обязанности
регистратора суда

Фарис Вехабович
Президент